

Е. А. Алексеенко

НА МЕДВЕЖЬЕМ ПРАЗДНИКЕ У КЕТОВ

Культе медведя в целом и особый ритуал, именуемый «медвежьим праздником», известны как широко распространенное стадиальное явление культуры. В Евразии он прослеживается от Пиринеев до Японских островов, зафиксирован и на Американском континенте. Ему посвящена большая литература, в том числе и основанная на сибирском материале¹.

В настоящем сообщении речь пойдет о почитании медведя и медвежьим празднике у кетов — немногочисленной народности в бассейне Енисея. Имеющиеся материалы по этой теме разновременны и различны по полноте, рассматриваются специально или представляют собой лишь краткие попутные упоминания². Среди первых особое значение имеет публикация Е. А. Крейновича, которая включает подробную информацию о медвежьем празднике, записанную автором по-кетски, а также ценный лингвистико-этнографический комментарий к тексту³. Отражая в особенностях языка специфику мировосприятия и мышления носителей изучаемых представлений, эти данные способствуют адекватному пониманию последних. Первостепенное значение имеют и непосредственные наблюдения самой церемонии, но, к сожалению, в литературе о кетах такого рода материал практически отсутствует. Имеются лишь очень небольшая заметка К. Доннера, видевшего в 1912 г. часть ритуала медвежьего праздника подкаменнотунгусских кетов, а также кратко изложенные впечатления Е. А. Крейновича, полстолетие спустя (в ноябре 1961 г.) наблюдавшего на Подкаменной Тунгуске ритуальные действия, сопровождавшие подъем медведя из берлоги, освежевание и членение туши на месте добычи⁴.

Еще через 10 лет — в июне 1971 г. — автору этих строк довелось участвовать в подобном праздновании елогуйских кетов (пос. Келлог)⁵. Информация об этом счастливом для каждого этнографа событии и является предметом настоящего сообщения. Но прежде — несколько общих замечаний.

Названные выше и иные материалы (данные других сфер культуры; коллекционные предметы) открывают возможность изучения медвежьего ритуала кетов в качестве самостоятельного культурно-исторического явления. Главными аспектами такого исследования могут стать: традиционное мировоззрение изучаемого народа и общественные отношения; этнопсихология; народные этика и эстетика; эволюция представлений и обряда в диахронии, трансформация и консервация отдельных элементов; использование материала как исторического и этногенетического источника.

Для наиболее полной реконструкции изучаемой культурной традиции личное участие этнографа имеет особое значение, так как существенным,

¹ Одна из последних монографий Х.-И Папрота о медвежьих обрядах у тунгусо-язычных народов содержит наиболее полную на сегодняшний день библиографию: *Paproth H.-J.* Studien über das Bärenzerimoniell. I. Bärenjagdrüten und Bärenfeste bei den tungusischen Völkern.— *Skrifter Utgivna av Religionshistoriska Institutionen i Uppsala* (Hum. Fak.), 15. Uppsala, 1976, S. 333—360.

² *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 135; *Анучин В. И.* Предварительный отчет о поездке к енисейским осякам в 1905 г.— *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии*. СПб., 1906, т. VI, с. 47; *его же.* Очерк шаманства у енисейских осяков.— *Сб. Музея антропологии и этнографии*. Т. II, в. 2. СПб., 1914, с. 13—20; *Findeisen H.* Ein Jäger- und Fischervolk am Jenissei.— *Kosmos*, Bd. 47. Stuttgart, 1951, № 8, S. 340—344; *Алексеенко Е. А.* Культ медведя у кетов.— *Сов. этнография*, 1960, № 4, с. 90—104; *Paproth H.* Das Bärenfeste der Ketö in Nordsibirien in Zusammenhang gebracht mit den Bärenzeremonien und Bärenfesten anderer Völker der nördlichen Hemisphäre.— *Anthropos*, Bd. 57, 1962, S. 55—88.

³ *Крейнович Е. А.* Медвежий праздник у кетов.— *Кетский сборник*. Мифология. Этнография. Тексты. М.: Наука, 1969, с. 6—111.

⁴ *Donner K.* Ethnological Notes about the Jenisej-Ostjak (in the Turukhansk Region).— *Mémoires de la Société Finno-ougrienne*, V. 66. Helsinki, 1933, p. 96—98.

⁵ На церемонии присутствовали и два других участника Туруханской группы Северной экспедиции Института этнографии.— *Л. Л. Левизи и Ю. Н. Моторин.*

а иногда и единственным средством информации здесь будет не слово, а семантика самого ритуала, специфический язык движений, жестов, мимики, используемых предметов.

Предлагаемые ниже результаты личных наблюдений, относящиеся к началу 1970-х годов, а также последние (1981 г.) сведения, полученные от информантов-кетов, в целом отражают традиционный медвежий ритуал елогуйской группы этой народности. Устойчивость обряда можно объяснить тем, что в нем отразилось не только мифологическое сознание народа, но и традиции общественного уклада, семейно-бытовых отношений, психология, мораль и т. д. Ныне изучаемые нами древний культ и ритуал фиксируются как национальная, производственная и бытовая традиция, излюбленное народное развлечение, продолжающее жить благодаря промысловому характеру хозяйственной жизни кетов.

Праздник состоялся в воскресный день, в доме 29-летнего охотника-кета Павла Коротких, который обнаружил медведя, отправившись проверить рыболовные сети. Соблюдая, как это принято, табу в отношении самого слова «медведь», пользуясь подставной метафорической лексикой, Павел позднее рассказывал об этом так: «Услышал хруст веток... Зверь какой-то показался... ко мне сам пришел». Этими словами он подчеркнул добровольность явления медведя человеку.

В добыче медведя принимал участие еще один кет — Виктор Бальдин (41 год). Он проезжал мимо на моторке, когда был остановлен Павлом и приглашен «к старику в гости».

Неоднократно отмечалось, что, по представлениям кетов, в образе добытого медведя людей навещает умерший старший кровный родственник того, кто первым обнаружил животное или его берлогу. Считалось, что один и тот же умерший мог навещать своих не более семи раз, но не ранее чем через семь лет после смерти и не чаще одного раза в год. В нашем случае хозяином, к которому явился гость, был признан Павел, так как медведь показался ему первому. Воспользовавшись традиционным для кетов гаданием на месте освеживания туши с помощью отрубленной правой передней лапы, «выяснили», что к Павлу пришел его дед, умерший около 30 лет назад и ранее не являвшийся. Аналогичным способом «узнали», сколько дней он хотел бы пробыть «в гостях»⁶.

При добыче медведя и разделке туши на Елогуе еще соблюдаются и некоторые другие правила, сложившиеся некогда на основе представлений о возрождении убитого животного и обусловленные желанием замаскировать или нейтрализовать вредоносные по отношению к нему действия человека⁷.

Ко дню праздника, распорядителем которого был Виктор Бальдин (именно он застрелил медведя), основные части туши уже были розданы родственникам обоих охотников и их ближайшим соседям (эти правила коллективного распределения неуклонно соблюдаются). Павлу и Виктору, по обычаю, досталась задняя часть туши, которую они разделили пополам. Они же должны были потом разделить между собой и деньги, вырученные за шкуру.

Все участники события были из семей, которым выделялась часть убитого животного.

Церемония включала два самостоятельных по своей смысловой нагрузке этапа: 1) поедание мужчинами головы медведя, выражавшее идею возрождения животного и коллективную охоту на него; 2) общение с «гостем»-медведем и умиловительные действия (угощение, одаривание) по отношению к нему с целью обеспечить его покровительство, прежде всего в охотничьем промысле.

⁶ Подбрасывал медвежьей лапу и при этом перечислял возможных мужчин — родственников Павла (медведь был самцом), называл цифры Виктор. Судя по его рассказу, данное гадание сохраняло все детали этого хорошо известного для кетов обрядового действия (см. Крейнович Е. А. Указ. раб., с. 18, 105—108).

⁷ Эти и другие общие сведения имеются в названной выше литературе; здесь в основном приводится материал, относящийся к конкретному медвежьему празднику.

Мы подошли к дому Павла к 12 часам дня, когда Виктор начал разделять голову⁸. Рядом с ним находился мужчина, который помогал в наиболее трудоемкой работе — отчленении нижней челюсти. Выложенная на плоское деревянное блюдо (*с'ык*) голова медведя была без шкуры; нетронутой оставалась только часть ее вокруг носа и губ (кеты и местные русские называют ее «мордочкой», «норкой»). Подрезая оставленную шкуру ножом, Виктор осторожно снял «мордочку», отнес ее в дом и положил на подвешенную к стене полку. Далее он отделил уши, вынул глаза и поместил их в чашку, предварительно осведомившись, чистая ли она. Взяв нижнюю челюсть, он разрезал язык на две продольные половины (не отделяя его), а с верхней челюсти срезал мякоть щек. При этих действиях Виктор громко объявил, что видит в шерсти много вшей и вынужден их искать.

Расчлененные половины и все остальные части головы (кроме глаз и мордочки) нужно было вымыть в одной и той же воде (эту операцию выполнила женщина, родственница Виктора, муж которой помогал тому расчленять челюсти), а затем долго варить в большом медном котле вместе с ранее отделенной грудиной. Следил за варкой опять-таки Виктор Бальдин. Павел во всех этих действиях участия не принимал. Его преднамеренная отстраненность от всего связанного с убитым животным (нельзя даже смотреть на шкуру, растянутую для просушки на крыше соседнего дома) соответствовала отведенной ему в обряде роли хозяина, к которому медведь-родственник пришел в гости.

Когда все было готово, участники праздника собрались в доме Павла. Внесли деревянное блюдо с головой (верхняя ее часть была уложена на отчлененную нижнюю челюсть) и поместили на поставленный посредине комнаты низкий столик (*л'ам*)⁹. Первым к нему подвели и усадили на полу слепого отца Павла, одетого в серый *бэс'ем*¹⁰, затем подсели остальные мужчины (пять человек) и, по приглашению Виктора, мы с Л. Л. Левизи, что было почетным исключением, так как участие женщин в этой части обряда не допускалось. Другие присутствующие семь женщин и дети сидели в той же комнате на табуретках и кроватях.

Каждый из восьми участников коллективной трапезы попробовал все основные части — съел кусочек языка, щек, ушей, мозга и т. д. Эти обязательные порции отрезал и поочередно по старшинству передавал Виктор (Павел, как самый молодой, оказался здесь последним). Подобным действием угощающиеся как бы приобщались к настоящей и будущим промысловым удачам. Далее все мы уже самостоятельно отделяли себе куски мяса, пока череп не очистился полностью. Павлу, кроме всего, была выделена грудная кость, и он ее обглодал. После этого блюдо с черепом и костью унесли¹¹.

Далее наступил перерыв, во время которого все угощавшиеся вытерли губы, вымыли руки, а женщины тщательно отскоблили столешницу, протерли мокрой тряпкой пол. Эти действия, цель которых — изъять самый «дух» медвежьего мяса, характеризовали следующий, иной по смыслу обрядовый этап — умиловительные действия по отношению к медведю-родственнику, медведю-гостю, сопровождавшие уже общим угощением и развлечением всех присутствовавших. В прошлом эта часть обряда могла занимать целый день, а число участников иногда доходило

⁸ Давние доверительные отношения автора с обоими охотниками и их семьями, несомненно, способствовали приглашению нашей группы из трех человек на праздник, но это не было исключением. Известно, что русские, охотившиеся вместе с кетами, нередко становились его участниками. Русский, первый обнаруживший зверя, мог быть сочтен хозяином «гостя», но родственные связи с последним признавались только за кетами.

⁹ Такими столиками кеты пользовались прежде, живя в чуме, в землянке. Ныне их можно встретить на временных станах (рыболовных, сенокосных); старики иногда предпочитают сидеть за ними (на полу) и в домах, где есть современная мебель.

¹⁰ Очень редко встречающаяся халатообразная одежда на заячьем меху, со стеганым матерчатым верхом.

¹¹ Череп и собранные вместе основные части скелета полагалось потом отнести в лес и поместить в дупло кедра, расположенное с восточной стороны дерева.

до нескольких десятков (все население одного большого или ряда соседних стойбищ).

На церемонии, которую мы наблюдали в 1971 г., были исполнены все характерные для данного этапа празднования обрядовые действия. Виктор сделал полагающееся изображение медведя (на овале бересты нарисовал фигуру в профиль)¹² и кольцо из соединенной концами кедровой ветки, частично очищенной от хвои. Кольцо символизировало нарты, на которых «гостю» полагалось увезти в лесной мир подарки людей. Сохранился и традиционный набор «даров»: клей из сухих осетровых плавательных пузырей; завернутые в белый лоскут кусочки сухой медвежьей желчи и языка; связка из семи спичек, которые можно было взять только у одного из кровных родственников Павла¹³. Все это Виктор прикрепил к кольцу-нарте. Судя по данным опроса, проведенного в 1981 г., для медведя иногда изготавливали также маленький лук со стрелами и копье. В нашем случае этих вещей не было, зато «гостя» одаривали украшением из меди — позади передних лап нарисованного на бересте медведя Виктор прикрепил медный пояс-лямку (его изображала скоба, вырезанная из гильзы)¹⁴. Другую такую же скобу он закрепил с одной стороны доски низкого столика¹⁵.

Олицетворением «гостящего» медведя был не только рисунок на бересте, но и упоминавшаяся выше мордочка — шкура с носом и губами. Придав им естественное положение, их вместе с кольцом-нарточкой помещали на бересту с изображением медведя. Края берестяного овала отгибали вверх, покрывали другим таким же овалом, края которого были отогнуты вниз, и скрепляли их. Нос медведя оказывался в переднем отверстии образованного таким образом цилиндра.

Но прежде чем поместить мордочку в бересту, ее использовали в качестве своеобразной маски при обрядовом подражании медведю.

Начал эти действия старший из присутствующих — слепой отец Павла. С помощью прикрепленной к мордочке ремешком петли он надел ее на голову, сдвинул на лоб, посвистел, снял маску, подержал над огнем (обычный в этом случае костер заменяли тлеющие в алюминиевой миске древесные угли) и передал соседу слева. Тот также надел мордочку и некоторое время свистел, как бурундук, раскачивался и ухал, подражая медведю, а затем тоже, подержав ее над огнем, передал дальше по кругу (по направлению часовой стрелки). Мордочка поочередно побывала у всех присутствующих, кроме Павла, и каждый (в том числе и мы трое) в меру своих способностей подражал зверю. После взрослых пришла очередь детей. Десятилетний племянник Павла особенно удачно подражал медведю, чем заслужил всеобщее одобрение. Мордочку приложили даже к головке грудного ребенка, которого затем покачали на руках.

Действия эти объединили присутствующих, сделали всех активными участниками обряда, вызвали неподдельное веселье и оживление.

Тем временем мордочка опять вернулась к старику, а он передал ее сидящему справа от него Павлу. Надев маску, тот начал традиционный

¹² Однообразие стиля, характерного для изображения медведя на бересте (Алексеев Е. А. Указ. раб.), при этом, правда, было нарушено.

¹³ Прикреплявшиеся к кольцу тонкие палочки или спички (по 7—12 штук с каждой стороны) кеты обычно называли «ребрами» медведя. Отмеченная новая обрядовая деталь позволяет предположить здесь связь с представлениями о родовом огне. О большой социальной значимости последнего свидетельствуют, в частности, еще недавно сохранявшиеся запреты передавать горящую лучину, тлеющий трут, спички чужим.

¹⁴ Лямки, ошейники и другие детали из меди мы неоднократно видели на медвежьих фигурах, встречающихся среди культовых предметов, оставшихся от родственников-шаманов и сохранявшихся в качестве семейных охранителей. Подобные украшения для медведей известны и по фольклорным данным.

¹⁵ Медь имела высокий статус в мифологических представлениях кетов. В данном обряде она расценивается не только как ценный подарок, выделяются ее утилитарные и эстетические функции: при возрождении животного медь соединит (спаяет) разрозненные суставы и кости, и они будут сиять, как медь. Идею восстанавливающегося (связующего) начала выражает и присутствие осетрового клея (он имел важное хозяйственно-бытовое значение, был предметом обмена), желчи (ценилась как универсальное фармакологическое средство).

рассказ охотника, обнаружившего зверя. В иносказательной форме, пользуясь метафорическими заменами и говоря о себе в третьем лице, Павел очень подробно поведал о событиях того дня, когда был обнаружен и добыт медведь. Зафиксировать текст в тот момент не было возможности. Для представления о подобных рассказах, которые, будучи импровизацией, всегда содержали обязательные, повторяющиеся мотивы, ниже приводится запись, сделанная со слов (разговаривали по-русски) елогуйского кета И. И. Тыганова в 1981 г.: «Вот *кынып бат* („светлый старик“ — название, относящееся только к людям) пошел весной... Видит на берегу чум какого-то старика стоит, сети висят (имеется в виду обнаруженная берлога). Ничего трогать не стал, пошел за людьми, звать — вместе смотреть чума место, сети... Тот старик собрался бурундуков искать. Вот пошел... по горелому бору идет...» И. И. Тыганов сообщил, что в этом месте он прикладывал шкуру с носа медведя к своему лбу, свистел, подражая бурундукам, «медвежьей походкой» ходил вокруг костра, рычал. «Брошу нос на край костра, говорю: дед по горелому бору убежал...»¹⁶

Часть сведений, касающихся собственно охоты медведя на бурундуков, пребывания его в горелом лесу, Павел, как и все до него, выразил пантомимой. Окружающие очень живо и непосредственно восприняли рассказ, задавали вопросы (например: «Увидев чум старика, куда пошел?» и т. п.), смеялись импровизированным подсказкам Виктора. Возле рассказчика стояла чашка с сырыми глазами медведя (раньше их клали в *хиттын* — берестяную воронку для клея). Окончив рассказ, Павел очередно проглотил их, запив водой¹⁷, и то, что он при этом не поперхнулся, было расценено как добрый признак; мужчины одобрительными возгласами и жестами выразили свое удовлетворение.

Далее, поднявшись с пола со словами «пошел работать», Павел соорудил на обычном, стоявшем возле стены столе нечто похожее на ящик из несбитых кедровых досок, открытый сверху и спереди, и поместил туда бересту с положенной в нее к этому времени мордочкой. Медведь «сел гостить».

«Гостю» накрыли низкий столик, поставив его рядом с большим. В том месте, где на столешнице была закреплена медная скоба, поместили стакан (он пришелся как раз против носа медведя, выступающего из бересты), расставили семь чайных чашек, тарелку с вареной рыбой. Другое угощение: масло, хлеб, сахар, конфеты, печенье — разместили на установленном поблизости втором низком столике. В стакан «гостя» до краев налили чай, а затем по направлению часовой стрелки наполнили чаем семь чашек (спиртного на празднике не пили).

С левой стороны первого стола на полу уселся Павел¹⁸, с правой — его слепой отец и Виктор. Присутствующие разместились на некотором расстоянии от второго стола, составив две группы — мужскую (против Павла) и женскую (против Виктора). После небольшой паузы, во время которой успокоили детей, в полной тишине запел слепой старик¹⁹. Когда отец кончил, Павел отпил из каждой чашки и попробовал все, что было на столах. Затем эти чашки были розданы мужчинам, которые и открыли общее угощение; за ними к трапезе приступили женщины и дети. Во время угощения один из стариков виртуозно играл на деревянном варгане.

На этом общая праздничная церемония окончилась. Согласно желанию «гостя», о котором «узнали» при помощи гадания с лапой медведя,

¹⁶ См. также *Крейнович Е. А.* Указ. раб., с. 16—18.

¹⁷ И. И. Тыганов сообщил, что перед этим кто-нибудь из присутствующих стариков должен был заметить: «Гость сейчас сядет, надо ему зрение дать. Зрение-то стариковское у тебя?»

¹⁸ Неожиданной оказалась в этот момент реплика Павла: «Вот, бог, дай, дай!» Сказанная мимоходом, она явно выпадала из контекста праздника.

¹⁹ Позднее мы узнали, что это была старая шаманская песня, в которой выражалась просьба об общем и промысловом благополучии.

он оставался в доме Павла еще два дня²⁰. Мы несколько раз заходили туда в эти дни. Несбитый ящик с мордочкой по-прежнему находился на столе. Возле него стояла посуда — «гостя» угощали всякий раз, как сиделись есть сами; доедал всегда Павел. На ночь и на время отсутствия в доме людей ящик сверху покрывали новым головным платком. В эти дни в доме более тщательно поддерживали порядок, старались, чтобы не было шума, ссор, неприятных разговоров, останавливали расшалившихся детей. Подходя к столу, старались не пересекать пространство перед ним.

На третий день на восходе солнца Павел «проводил дедушку» — отнес ящик со всем его содержимым в лес²¹. Мы знали об этом заранее и очень просили взять с собой хотя бы Юру Моторина (строгое табу для женщин при этом действе нам было известно), но, к сожалению, и он не был допущен к церемонии.

Традиционные представления и медвежьи обряды у кетов в том виде, в каком они известны или реконструируются для конца XIX — начала XX в., образуют сложный сплав качественно и генетически различных мировоззренческих систем. Наиболее древними в них могут быть признаны широко известные компоненты: 1) идея умирающего и воскресающего зверя (ритуал здесь имеет целью магическим образом обеспечить регенерацию добытых животных и регулярность промыслового успеха); 2) идея равенства, полного взаимного уподобления медведя и человека (представления о кровном родстве; ритуал узнавания, общения с родственником и т. д.).

Некоторые элементы древнего культа медведя у кетов стали составной частью шаманского комплекса²². В то же время в медвежьем ритуале появились новации, вызванные воздействием шаманской и даже христианской обрядности.

Выражая важнейшие социальные связи людей предшествующих социальных формаций, их представления о мире, медвежий праздник (в более или менее полном его ритуальном комплексе) сохраняется у кетов как этнокультурная традиция. Промысловые верования, составляющие мифологическую основу ритуала, не изжиты полностью, что можно объяснить самой спецификой охоты (разобщенность людей на промысле, боязнь стихийных явлений природы, роль случая и т. д.), хотя общая десакрализация представлений и ритуала очевидна. Отчетливо прослеживаются в нем и традиции семейно-родственных, в прошлом родовых отношений. Более всего, однако, сохраняется (и развивается, дополняется новациями) его развлекательная функция, удовлетворяющая эстетические и эмоциональные запросы людей. Местные русские (соседи кетов по поселку), которые бывают в тайге на подобных празднованиях, удивляются и восхищаются артистизмом, подлинным импровизаторским талантом кетов, общей эмоциональной яркостью действия, обеспечивающего коллективную психологическую разрядку, особенно необходимую в экстремальных условиях зимнего промысла на Севере.

Побывав на празднике, мы полностью разделяем эти чувства.

²⁰ По опросным сведениям, раньше в эти дни не охотились. Известен, впрочем, и такой случай: медведь «гостил» в чуме, а люди в этот день неожиданно добыли сохатого (лося), что было расценено шаманом как желание «гостя» поесть лосятинны и его непосредственная помощь в охоте.

²¹ Доски можно было оставить на земле, все остальное полагалось повесить на сучке с восточной стороны дерева (чаще кедра).

²² Медведь считался одним из главных помощников шаманов, действовавших в пределах земного мира; особая роль отводилась ему при так называемом камлании в темном чуме; известна и особая категория шаманов, олицетворяющих медведя (см. *Алексеевко Е. А. Шаманство у кетов.* — В кн.: *Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири.* Л.: Наука, 1981, с. 118—121).